

К сожалению, многие люди не интересуются историей города, в котором они родились. Современное поколение не знает, что 29 сентября 1957 года была крупная радиационная авария на одном из заводов нашего города.

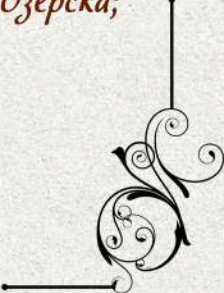
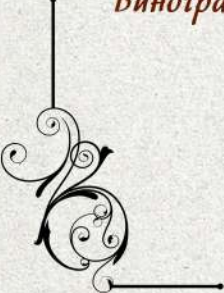
Эта книга не претендует на научный труд, она лишь помогает восстановить тот далекий день и последующие события. Мы хотим показать общую картину происходящего. Как строился город. Как люди, преодолевая трудности, укрощали «мирный атом», боролись с аварией и ее последствиями, помогали и делились опытом при взрыве на Чернобыльской АЭС.

Здесь собраны воспоминания ликвидаторов и простых жителей города. Мы хотим показать, а как это было?

И тут прогремел взрыв...

Над книгой работали:

*Виноградова Наталья Олеговна, учитель информатики МБОУ СОШ №24 г.Озерска;
Замятина Ирина, ученица МБОУ СОШ №24 г.Озерска.*

*Представленная информация взята из книг, находящихся в
МКУК ОГО «Центральная библиотечная система»,
найдена в сети Интернет как свободно распространяемая
(авторство материалов сохранено), собрана в личной беседе с жителями города.*

Дорогие читатели! Вашему вниманию предлагается книга, посвященная радиационной аварии 1957 года. Вы узнаете, как зарождалась и развивалась атомная отрасль в нашей стране. В книге рассказывается об экологической проблеме, которая появилась на Урале в середине прошлого века.

Близилась к завершению Великая Отечественная Война. Страна была опустошена и ослаблена, но были в ней силы для того, чтобы присоединиться к мировому первенству по созданию атомной бомбы. Разрабатывались проекты, обучались специалисты, проводились эксперименты, строились города и заводы.

Одним из таких заводов стал химкомбинат «Маяк».

*Дача И.В.Курчатова в г.Озерск
на берегу озера Иртяш*

Среди уральских лесов и озер, скрытно от чужих глаз, был построен первый в СССР атомный реактор. Одним из руководителей проекта был Игорь Васильевич Курчатов - человек, память о котором бережно хранит город Озерск.

Но не бывает побед без промахов. Случился взрыв на ПО «Маяк»...

О его последствиях и причинах Вы узнаете из этой книги.

Атомная промышленность, как и любая область человеческой деятельности, порождает свои отходы - радиоактивные. Что такое радиоактивные отходы (РАО)? Это побочные биологически и технически вредные вещества, которые содержат образовавшиеся в результате производственной деятельности человека радионуклиды. Еще в самом начале производства ученые столкнулись с проблемой отходов. Но тогда никто даже не думал как-то перерабатывать или закапывать отходы. И это превратилось в экологическую катастрофу.

Принципиальное устройство старого хранилища

Строительство могильника

Устройство банки

На ПО «Маяк» в течение работы тоже образовывались отходы разного класса. Твердые отходы в основном перерабатывали. А жидкие отходы хранили в емкостях из нержавеющей стали, установленных в железобетонных каньонах с металлической облицовкой. Их еще называли «банками». Банки представляли собой контейнеры, закопанные в землю. Они имели емкость от 70 до 1000 кубических метров.

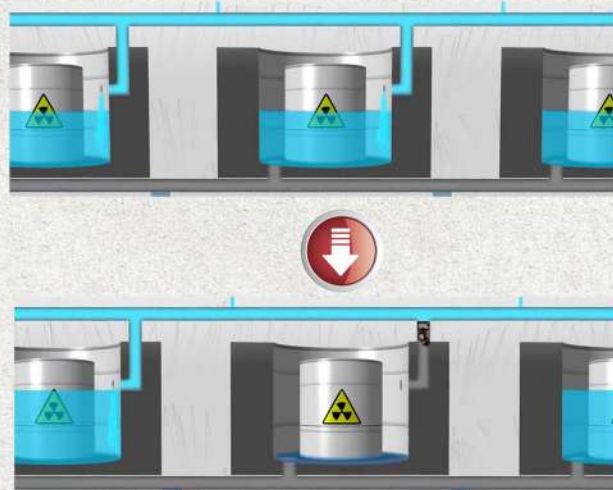
К ним подходила специальная система охлаждения (вода).

Такие хранилища строились комплексами. А комплекс называли «могильником».

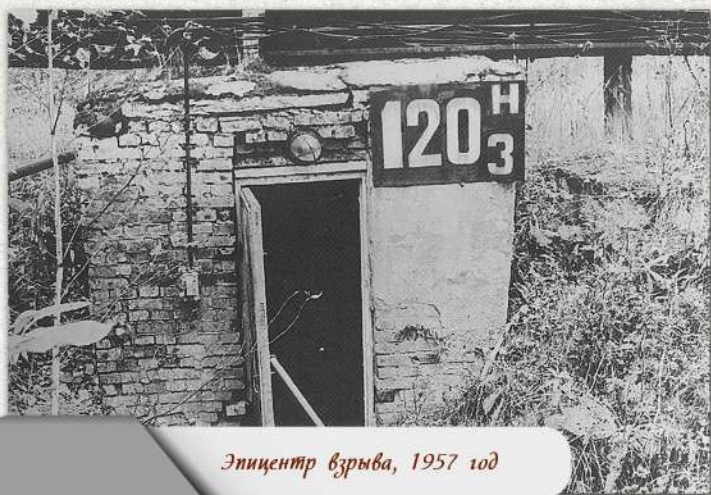
Конечно, такая система не давала стопроцентной гарантии того, что не произойдет сбой. Но другого выхода в те времена не было.

Как говорилось ранее, ошибка все же произошла. Комплекс С состоял из 5 хранилищ. Два из них были идентичными, каждый по 20 банок. Но именно в хранилище С-3 29 сентября 1957 года из 20 контейнеров исправно было только 6.

Это был прекрасный воскресный день. Жители города занимались своими делами, и только некоторые из них услышали хлопок, а потом увидели поднявшееся в небо облако пыли. И лишь через много лет люди узнали, что в тот день в 16 часов 22 минуты произошла авария.

Радиоактивное облако

Эпицентр взрыва, 1957 год

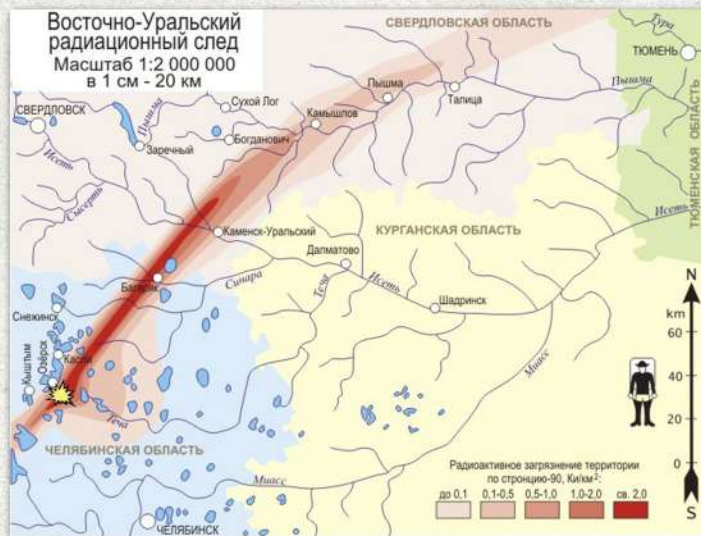

Место аварии, 1957 год

Как выяснилось позже, в злополучном комплексе С-3 нарушилась система охлаждения банки №14, в результате чего она взорвалась. Дежурившей тогда бригаде повезло, никто не пострадал. В момент взрыва в районе комбината дул порывистый юго-западный ветер. То есть все отходы, которые были выброшены в атмосферу в результате взрыва, ветром унесло от города.

Первые смены после взрыва отправили очищать здание, располагавшееся рядом с эпицентром взрыва. Отработав свое время, работники долго отмывались от загрязнения радиацией. Какова была доза облучения того или иного человека не знали, лишь понимали, что уровень радиации огромен.

Этот взрыв стал первым серьезным происшествием за всю, тогда недолгую, историю завода. В тот день ветер спас город, однако два миллиона кюри было отнесено на 1000 квадратных километров по территориям Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. Зону выпадения радиоактивных отходов называли Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС). Его общая протяженность составила 300 км в длину, а ширина достигала 10 км. След было легко заметить: в том месте деревья стояли без листвы, даже сосны потеряли свою хвою. Из-за нехватки оборудования и знаний ученые не могли определить точно, чем опасен ВУРС и опасен ли вообще. Проблема также заключалась в том, что на этой территории жили люди и их надо было эвакуировать.

Памятники на территории завода и г. Кыштым

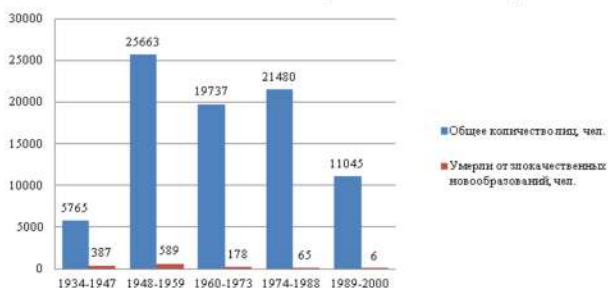
Дозиметрический контроль

Город практически не пострадал во время аварии, но все же в ходе проверки было установлено, что уровень радиации поднялся. После этого улицы города стали мыть ежедневно. По домам ходили дозиметристы.

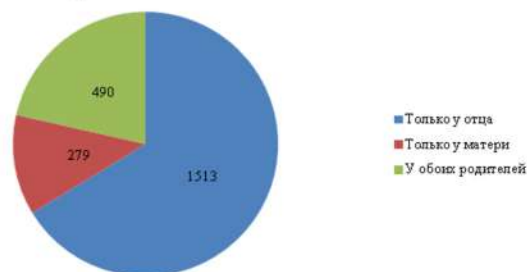
Для ликвидации последствий было создано два отряда военнослужащих по 200 человек. В основном они занимались отселением жителей с загрязненных территорий. Для них была установлена норма облучения - 25 рентген. На деле же они получали намного больше, в результате чего многие из них заболели лучевой болезнью и погибли.

Для любого производства важным условием высокой производительности является здоровье работников. Атомное предприятие было новое, поэтому медработники столкнулись с трудностями. О радиоактивном излучении было известно не так много. Радиация – это опасный враг. Ее частицы не имеют ни запаха, ни цвета. Для изучения влияния излучения был создан Институт биофизики, который выпустил рекомендации по охране здоровья работников атомной отрасли. Однако за их выполнением мало кто следил, поэтому в 1957 году умер первый работник. Врачи не могли точно поставить диагноз. Но, проведя некоторые исследования, ученые открыли неизведанную болезнь – плутониевый пневмосклероз. Он начинался как туберкулез, но лечение не помогало. Позже врачи нашли способ подобрать новое заболевание. Всего за время работы комбината от данного недуга погибло 9 человек.

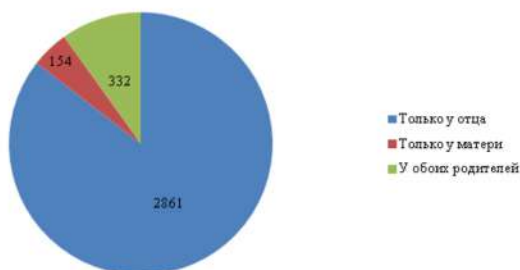
Характеристика смертности детей от злокачественный новообразований в г. Озерск

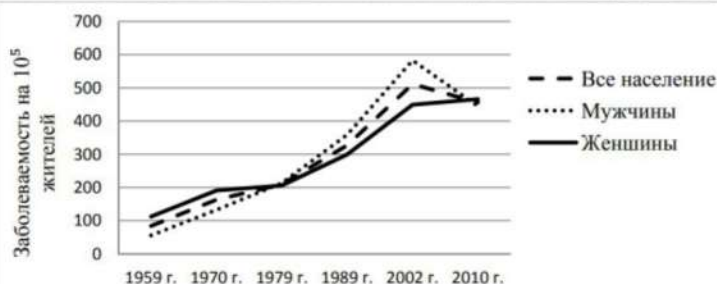
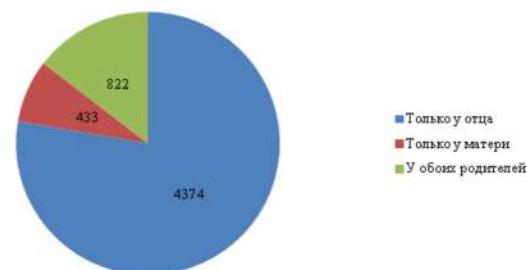
Профессиональное облучение родителей детей, родившихся с 1948 по 1959 год

Профессиональное облучение родителей детей, родившихся с 1960 по 1968 год

Профессиональное облучение родителей детей, родившихся с 1946 по 1968 год

Что касается здоровья населения, то тут все намного лучше. После аварии 1957 года никто из облучившихся не заболел лучевой болезнью. Согласно исследованиям, у людей, проживавших на территории ВУРСа, выявляли заболевание не чаще, чем у других. Исключение составила лишь астма. За дальнейшими возможными заболеваниями следили врачи и ученые, проводились исследования и проверки.

После аварии 1957 года ученые задумались над тем, что длительное хранение отходов в контейнерах не является безопасным. Поэтому эксперты занялись изучением повышения безопасности хранения радиоактивных отходов и поиском способов их переработки. Проведя некоторые исследования, была усовершенствована система охлаждения могильников, и сделан вывод, что слабо и среднеактивные отходы можно использовать при изготовлении цемента и керамики. А вот высокоактивные отходы можно включать в стекло. Был найден оптимальный состав такого стекла, но проблема оставалась с надежностью оборудования.

Технологии подготовки РАО к хранению

Один из прогрессивных методов финальной переработки жидких РАО — **витрификация** (остекловывание)

! Остеклованные РАО надежно изолированы от окружающей среды

Способ хранения РАО зависит от степени их активности и срока жизни

Другие технологии подготовки:

- битумирование
- сжигание
- цементирование
- плазменно-химическая переработка

В 33 регионах России в 1170 хранилищах различного типа хранится почти половина всех радиоактивных отходов в мире

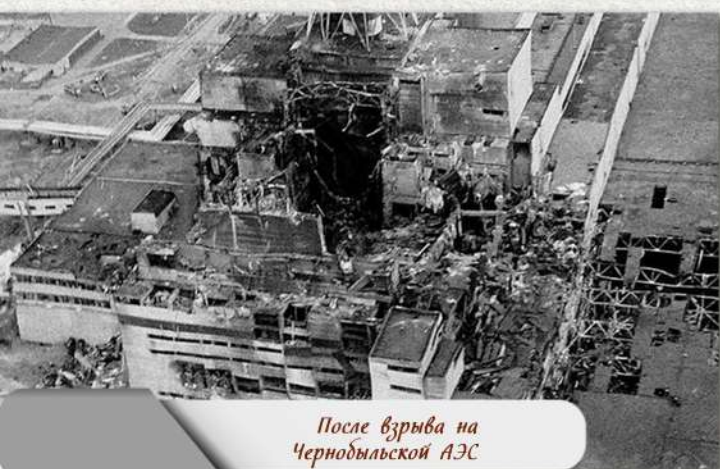

Безопасное хранение РАО

Это была непростая задача, однако ученые создали электропечь для остекловывания. На химкомбинате «Маяк» в 1986 году было начато строительство специального цеха. Позже он был введен в эксплуатацию. В 2018 году было установлено новое оборудование, отличающееся своей компактностью и новой системой охлаждения.

Сейчас, говоря о крупнейших техногенных авариях, редко вспоминают «Маяк», чаще на ум приходит авария на Чернобыльской АЭС. Давайте сравним эти две катастрофы:

1. Разные классификации взрывов. На ПО «Маяк» авария была связана не столько с ядерной энергетикой, сколько с радиацией, в то время как Чернобыль был связан именно с ядерным взрывом.
2. Рассекречивание информации. Данные о взрыве на «Маяке» очень долго хранились в секрете. А вот что касается Припяти, то там аварию было сложно не заметить.
3. Количество жертв. При аварии на «Маяке» умирали только ликвидаторы из-за лучевой болезни. При аварии в Чернобыле несколько человек умерли сразу в момент взрыва.

После взрыва на Чернобыльской АЭС

Обработка Чернобыльской АЭС дезактивирующим раствором

Памятник ликвидаторам радиационных аварий

Не смотря ни на что, эти аварии связаны между собой, хотя и имеют определенные различия. Маяковцы активно принимали участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Прибывшим специалистам пригодились результаты научных исследований, технологии предприятий и организаций из Челябинска-65, их практический опыт, полученный после 1957 года в ходе ликвидации последствий радиационной аварии на ПО «МАЯК». В честь ликвидаторов радиационных аварий в Озерске установлен памятник.

«В Озёрске»

Может, как-то не так мы устроены,
Где-то, что-то не так осознаем,
Что-то знаем об этом такое мы.
Что спокойно в Озёрске живем?
Здесь в гармонии с физикой, с химией
Зрелость, молодость и седина,
Всё надежное, мощное, сильное,
Направляет сюда вся страна.
Здесь металл - неподвластный коррозии,
Здесь бетона - седой монолит,
Здесь оплот всей новейшей истории,
Мирный атом и Ядерный щит.
Четкость, точность, контроль и внимание
Тод за годом и день за днем.
Мы не боремся с грозным атомом -
Мы работаем здесь и живем.
Всё проверено, всё прочитано,
Здесь надежности - верхний предел,
Техногенное - значит полезное
При разумном ведении дел.
Мы, конечно, нормально устроены,
Всю ответственность осознаем,
Для страны, для людей, для истории
Мы работаем здесь и живем!

(А.Кукушкин)

Как строился город

А. Е. Моеяков, строитель.

Шел первый мирный послевоенный 1946 год. Наш 96-й батальон, сформированный на станции Татищеве Саратовской области, погрузили в вагоны, и 25 мая 1946 года мы прибыли на станцию Кыштым. Оправившись от дороги, мы построились и пошли походной колонной на разъезд "А", где нас ожидали ужин и новый большой склад, построенный под цемент. Он стал нашим домом. Через два дня подвезли инструмент: ломы, кирки, лопаты, тачки.

В первый свой трудовой день мы вели ремонт грунтовой дороги от будущего города до Кыштыма. Она была как кровеносный сосуд в нашей жизни: из Кыштыма мы получали продукты для своей части. Так было в первый месяц: положенные 700г хлеба на одного солдата мы не могли получить из-за плохой дороги и получали по 500г. Кормили плохо, а работы земляные, тяжелые. Рабочий день длился от восхода солнца до заката. К зиме 1946 года мы перешли на новое место и поселились в районе КПП № 1. Зимовали в палатках. Крутые сугки горела печка, у которой все после работы сушились. Порой приходилось ночью класть мокрые портянки под себя, чтобы до утра они немного высохли. Была очень суровая зима, иногда ночью волосы примерзали к постели. Умывались, в основном, снегом, так как с водой тоже были трудности.

Но, несмотря на бытовую неустроенность, работы продолжались.

Однажды нужно было сделать соединение завода 24 с заводом 156, то есть вырыть траншею и проложить кабель. Работа была срочной, и мы очень торопились, делали по 6-7 кубометров в день на каждого солдата, а нас 25 человек. Итого мы давали в день от 150 до 200 кубометров или 250 м погонных. Как-то вечером к нам заехал по пути домой генерал-майор Царевский, начальник строительства. Мы работали рядом с дорогой. Шофер остановил машину, Царевский вышел из нее и подошел к нам. Я подал команду "смирно" и доложил: "Второе отделение 2-го военно-строительного полка выполняет земляные работы". Генерал собрал нас в круг и решил с нами поговорить. Спросил, как кормят, как одеты, как условия жизни. Мы чуть ли не хором ответили: со всем можно мириться, а вот питания крайне не хватает. Генерал помолчал, а затем сказал: "Дорогие мои, рад вам помочь, но не в силах. Сейчас вся страна голодает. Нам дали даже больше, чем другим. Поверьте, со временем все будет улучшаться".

Он сказал, что траншея, которую мы ведем, очень нужна и нужно сделать ее быстрее. Может быть, кто-то из солдат все-таки сможет увеличить норму? Мы переминались с ноги на ногу, молчали. И тут вдруг самый сильный солдат по фамилии Дядик сказал:

"Я смогу дать две нормы, то есть 12 кубометров за рабочий день, но с условием".

"Каким?" - спросил генерал. "Сделайте мне лопату 35x50 см и дайте две солдатские нормы питания". Генерал помолчал, а затем сказал: "Согласен, и это мы сделаем завтра". А сегодня он отмерил 12 погонных метров и уехал. На следующий день солдат утром получил заказанную лопату и 2 солдатских завтрака. На работу прибыл на 30 минут раньше. Когда я привел на работу отделение, он заканчивал первые два погонных метра. На следующий день вечером генерал приехал снова. Мы как знали: в тот день задание выполнили на 135 процентов. Дядик дал 15 погонных метров, то есть 2,5 нормы. Генерал очень был доволен нашей работой и объявил всем благодарность.

А спустя еще неделю Николая Дядика лично Царевский наградил именными золотыми часами. Где теперь тот солдат? Знаю, что демобилизовался, уехал в Белоруссию, а как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю, ведь столько лет прошло.

Авария. 29 сентября 1957 год

Комаров Валерий Иванович, Ветеран завода 25 (235).

В те далекие времена, до взрыва 1957 года, мы не могли знать или предполагать, что такое может случиться. Емкости, которые были предназначены для хранения растворов с большой активностью, не имели никаких контрольно-измерительных приборов. Из-за постоянно высокой неконтролируемой температуры, вследствие плохого охлаждения, емкости разогревались, постепенно испаряя жидкую фазу. Попутно происходил распад кислоты, и выпадало в осадок всё, что находилось в этих растворах.

В тот злополучный день, 29 сентября 1957 года, было тепло и солнечно. Как всегда приняли смену в 14 часов: я (В.И.Комаров, начальник смены отделения), М.А.Даранов (оператор), Д.М.Хорошев (аппаратчик), В.М.Осетров (машинист водокачки).

Когда принимали смену, никакого дыма не было видно. Но ближе к 4 часам дня кто-то увидел, что со стороны комплекса идет дым желтого цвета. Я подумал, что, наверное, загорелась проводка или обмотка мотора и позвонил дежурному электрику Г.В.Кунакбаеву, попросил его прийти на комплекс и проверить. А сам пошел посмотреть, но вовнутрь войти было уже невозможно. Отключив на подстанции напряжение, оператор М.А.Даранов и дежурный электрик Г.В.Кунакбаев, надев противогазы, с фонариками полезли внутрь. Даже с очень хорошими фонариками видимость там была очень плохая. На расстоянии вытянутой руки уже почти ничего не было видно. Всё-таки они прошли по коридору, проверили проводку и двигатели вентиляторов - всё было нормально, загорания здесь не было. Когда Даранов и Кунакбаев поднялись из комплекса на улицу, Даранов утверждал, что там слышится какое-то бульканье, какие-то непонятные, необъяснимые звуки и очень жарко и душно. Мы быстро пошли в здание водокачки: там был прибор для замера радиоактивности. Прибор «заикалился» как от спецодежды, так и от противогазов.

Я послал их в здание санпропускника для замены спецодежды и отмычки тела и рук. Посмотрев на комплекс, я увидел, что дым значительно усилился. Об этом я сразу по телефону сообщил начальнику смены цеха Федорову. В этот момент я побежал на улицу, чтобы посмотреть снова на то, что там с дымом. Но не успел полностью открыть входную дверь из здания, как вдруг меня как-то приподняло, крутануло и бросило на пол. И вдруг я услышал страшный взрыв. Я поднялся, побежал к другой двери, которая находилась с противоположной стороны комплексов и увидел огромный темный, во всё небо, столб непонятно чего. В первый момент подумал, что сбросили атомную бомбу на наш завод, но в тот же миг у меня мелькнула мысль, что при атомном взрыве должно быть сильное свечение, а тут было совсем темно, поэтому я понял, что это не бомба, а что-то связанное с нашим дымом на комплексе. В это время в здании напротив открылась дверь, и Осетров закричал мне: «Что такое, что случилось? У меня остановились все насосы и не запускаются, меня затопливает». Я кричу ему: «Давай всё бросай и бежим отсюда побыстрее и подальше». И мы «рванули» к зданию санпропускника. Оглянувшись назад, я абсолютно не узнал местности: ничего даже близко не напоминало комплекс. Раньше здесь росла высокая трава, часто приходилось выкашивать подходы к дверям рабочих помещений, а сейчас всё было завалено землей, ни одной пристройки, которые находились при входах в рабочие помещения комплекса, не было и в помине. В нескольких метрах от комплекса находилось проволочное ограждение с вышками для часовых. Ни одной вышки не осталось. Кстати, в тот момент на вышках находились люди, которых разбросало в разные стороны. Думаю, если бы я остался на своем рабочем месте за своим столом у пульта управления связью со всем заводом, так меня не было бы в живых наверняка, т.к. взрывной волной продило монтажный проем в здании, который находился напротив моего стола, и бросило стокилограммовый сейф для хранения документов на мое рабочее место и раздавило рабочее кресло врезези и пульт управления - всмятку.

В этот день после взрыва многих подняли по тревоге. Директор завода Митрофанов был в отпуске, и его обязанности временно исполнял начальник лаборатории М.И.Ермолаев. На завод немедленно приехали работники КГБ. После, когда нам пришлось заниматься ликвидацией аварии, мы вблизи увидели этот котлован диаметром 20-25м и глубиной около 10м. Тогда и узнали, что взорвалась емкость с жидкими радиоактивными отходами (или как мы называли, «банка»). Это был химический взрыв с выделением радиоактивных веществ. Территорию комплексов огородили и поставили охрану на довольно большом расстоянии от места взрыва. На следующий день после взрыва мы приехали на завод в диспетчерскую, где была высокая комиссия во главе с главным инженером комбината Н.А.Семеновым. Он, на чем свет стоит, ругал меня, как виновника этого взрыва, не давая мне открыть рот. И каждый раз, когда я пытался заговорить, он жестом меня останавливал и приказывал молчать. Хотя мне нечего было сказать в свое оправдание, кроме того, что не я виновен в этом. Потом он задавал мне очень много разнообразных вопросов с таким презрением, что я почувствовал, что я, наверное, действительно, мерзавец и полностью виноват в произошедшем. Потом, в дальнейшем, многие считали, что я виновник этого происшествия, и что это произошло именно по моей вине. И даже те люди, которые работали вместе со мной на комплексе, были в этом убеждены.

Ликвидация последствий

Мишин Илья Митрофанович, Ветеран Цеха сетей и подстанций.

Объявления о взрыве емкости с жидкими радиоактивными отходами не было, разговора об этом ни в воскресенье, ни с утра в понедельник также не было. Народ, как обычно, поехал на работу на своих автобусах ко всем заводам. Но так как радиоактивный след прошел по территории промплощадки, автобусы быстро загрязнились сами и начали загрязнять всю дорогу до города и городские улицы. Когда это обнаружилось, администрация комбината решила закрыть КПП-1 для сквозного проезда всего транспорта. Было организовано автобусное движение из города до КПП-1. От КПП-1 по заводам развозили уже другие автобусы. Установили везде по проходным заводам, цехов дозиметрический контроль. Личную загрязненную обувь и одежду заменяли на новую спецодежду. На КПП был установлен поддон с войлоком, пропитанным жидкостью для дезактивации. Об этот войлок вытирали обувь при посадке в автобусы, направлявшиеся в город.

**Хорев Вагил Иванович, Ветеран ЦЗЛ, к.т.н., лауреат
Премии правительства РФ.**

Отчетливо помню момент «встречи» с радиоактивным следом. В декабре 1957 года мне поручили сопровождать одного из руководителей пострадавшей воинской части и делать замеры мощности экспозиционной дозы гамма - излучения. Снега на полях не было, и мы шли по целине. Сейчас мне ясно, что мы пересекали радиоактивный след, так как показания прибора по мере продвижения вперед всё время увеличивались, а затем начали уменьшаться. Сохранилась в памяти максимальная цифра - это 300 мкРс - 1.

Матющенко Зинаида Алексеевна, Ветеран ПО «Маяк».

... Хороший сентябрьский день, 29 сентября, воскресенье. Вдруг вдалеке что-то громыхнуло, да так, что стекла в комнате на Менделеева, 15 едва не разбились от вибрации. Окно выходило на сторону комбината. Потом всё стихло. Ну строят, ну взрывают... На смену ехали, как всегда, дружно, весело. Но уже первые шаги показали, что произошло что-то серьезное. Все окна в хранилище были выбиты, лежал толстый слой пыли, хранивший в себе немало того, от чего и одежду выбрасывали, и облучение получали, и подышали достаточно. А с понедельника - 30 сентября - началось то, что дало нам невеселое звание «ликвидатор».

Ликвидируя последствия аварии, и рабочие, и руководители столкнулись с невиданными и неизвестными ранее явлениями. Выполнение работ по допуску проводилось тогда в условиях нарушений норм, правил медицинского и дозиметрического контроля. Многие знают, как, вынув кассету (личный дозиметр) из кармана, продолжали работать сверх положенного времени. В санпропускниках, которых не хватало, пытались смыть с себя хотя бы частицу смертоносной «грязи». Сколько раствора «Контакта», сколько знаменитого порошка «Новость» было истрачено тогда на отмывание, но домой всё же тащили достаточно. А ведь у большинства были маленькие дети, собиравшие всё на себя в собственной квартире.

Шестаков Юрий Андреевич, ветеран ЦЗЛ ПО «Маяк», к.т.н., лауреат Государственной премии СССР.

Итоговые результаты месячного контроля транспорта показали, что около половины автомобилей были чистыми. Около 40% - загрязнены нуклидами ниже установленного предела, и не более 10% были загрязнены выше нормы и, естественно, не попали в город. В первой половине ноября 1957 года мы провели проверку загрязненности квартир и подъездов в домах города. Было обследовано около 40% квартир. Выявлено 3 случая загрязнения в разных квартирах - 1 наволочка на подушке, 1 простыня и 1 кусочек пола в подъезде. Уровень загрязнения низкий - раз в 5 ниже установленного предела. В некоторых подъездах перед входом в квартиры стояла обувь без радиоактивных загрязнений (таких случаев около 50). Хозяева считали, что загрязнили обувь в начале октября 1957г. Они ее помыли, ходили в ней на работу, но в квартиры не брали. В апреле 1958г. после схода снежного покрова было взято несколько проб грунта. Радионуклидов в отобранных пробах не обнаружили.

Что происходило в городе

Филиппа Лариса Николаевна, ветеран атомной промышленности.

Когда произошел взрыв, мне было 6 лет. Конечно, я его не помню. Мой папа работал пожарным на промплощадке. Место, на котором произошел взрыв, был как раз на его участке. Он накануне был там с проверкой. Ничто не предвещало беды. Участок был в порядке, трава скошена, мусора не было. А что происходило в резервуарах он не знал. По домам после взрыва ходили дозиметристы проверяли игрушки и вещи, и даже нашего кота. У нас все было хорошо и ничего не забрали. Мы жили на проспекте Ленина и по улице несколько раз в день проезжали поливальные машины, и все дороги обильно поливали. Очень долго нам не разрешали выходить из дома без головных уборов, особенно в дождь. Жители опасались, что осадки будут радиоактивными.

Алла Мальшева, жительница Кирова, пенсионерка.

В этот день был выходной. Где-то в половине пятого мы услышали взрыв со стороны промплощадки. Над комбинатом поднялся огромный столб дыма и пыли. Почему-то он переливался всеми оттенками красного и уходил высоко в небо - наверное, где-то на километр. Вечером, когда стемнело, мы впервые увидели странное свечение в небе - оно переливалось всеми цветами, от розового до светло-голубого. Потом в газетах объявили, что это северное сияние. Но что-то было не очень похоже, да и с чего вдруг? Потом вообще много таких аномалий было: скажем, когда прошел первый после аварии дождь, у всех луж была ярко-зеленая окантовка, как будто их нарисовали на асфальте.

Всю следующую неделю в городе непрерывно отмывали улицы, в некоторых местах кирками и отбойными молотками снимали асфальт, спиливали деревья. Потом начали специальным раствором обмывать все здания - детские сады, школы, магазины, и особенно бани.

Когда закончили с ними, обработали и дома. Потом, где-то месяца через полтора-два после аварии, по домам стали ходить специальные опергруппы с дозиметрами.

Они проверяли все вещи в доме, и если что-то "звенело", забирали на утилизацию.

Отселение жителей деревень

Николай Загородний, житель Кирова, пенсионер.

В мою задачу входило помогать вывозить жителей из деревень, оказавшихся на территории, которую накрыло радиоактивным облаком. Наше подразделение работало в деревне Галикаево, где жили в основном башкиры. Люди не знали, что происходит, им никто ничего толком не объяснял. Они были напуганы. Не хотели покидать свои дома, оставлять родные места, где похоронены родители. Мы уговаривали их, как могли, успокаивали: обещали, что скоро они смогут вернуться домой. Те, кто не верил, пробовали спрятаться в лесу и переждать, пока мы уйдем. Тогда нас отправили прочесывать лес, приказали всех пойманных мыть, переодевать и насильно усаживать в грузовики. Слез при этом было много.

Но приказ есть приказ, ничего не поделаешь. Особо жалко было деревенским бросать кошек, собак, домашнюю скотину. Многие плакали, просили разрешения взять с собой хотя бы кого-то одного. Приходилось действовать силой. До этого мне не доводилось вырывать кошку из рук вцепившегося в нее плачущего ребенка. И дай бог, больше не придется.

Сидоров Геннадий Васильевич, Ветеран проектного отдела.

Первым населенным пунктом была деревня Бердяниш, жители которой были уже выселены.

Наша задача состояла в том, чтобы измерить рулеткой габариты домов, хозяйственных построек, определить материал строений для последующего составления актов их стоимости. Потом были деревни Сатлыково, Галикаево. Населения здесь тоже не было. Деревни охраняла милиция из Курганской области. Жители этих деревень были расселены в бараках на плотине в совхозе им. Ворошилова, за Татышем и на Дальней даче.

В феврале 1958 года было принято решение три выселенные деревни сжечь. Мы выехали в деревню Сатлыково. Начали поджигать ток с зерном с края деревни, затем дома, хозяйственные постройки. Средств защиты органов дыхания и дозиметров нам не давали.

Вспоминаю случай, когда я чуть не погиб. Если под крышей дома висели сухие березовые веники для бани, мы взбирались туда и поджигали их. Огонь быстро распространялся и дом горел. В очередном доме, где веников на чердаке не было, я стал собирать щепки, траву, сено, укладывал всё это внутри дома в угол и старался создать костер. Провозился долго, пока дом не загорелся. Выскочил на улицу, огонь полыхал повсюду, перехлестывая всю улицу. В какую сторону бежать? Я побежал через сплошной огонь, стал задыхаться, но выскочил на простор. Потом отдел внешней дозиметрии запретил таким способом уничтожать деревни - повысился радиационный фон. Летом дома стали закапывать. Бульдозер выкапывал яму, потом ножом ударял об угол дома и заваливал землей.

Здоровье

Е.А. Еманова, к.м.н., врач здравпункта завода 25.

В первые годы столовой на заводе не было, питались все в буфете, расположенном в цехе.

Тарелки там во всю «звенели», мыла их аппаратчица из цеха. Обедали в одежде, наспех сбрасывая у входа комбинезоны. Санобработки никто не проходил. Все это меня ужасно возмущало и потому мои дежурства особенно не любили. Простые рабочие, не понимая опасности, противились переводу с «грязных» участков работы, так как они теряли высокую зарплату и шестичасовой рабочий день. Но хуже всего было с начальниками смен, отделений и цехов. Многие из них чувствовали себя скверно, анализы плохие, а вывести их в чистые условия несмотря на требования врачей не соглашались.

Заменить их было нечем. Заменяли, когда умирали. Так, из пяти начальников смен 8-го отделения умерли четверо. Скоро мы поняли опасность переоблучения и добились практики вывода переоблученных сначала на две недели по «трудовому больничному листу» с сохранением зарплаты, а с 1953 года стали выводить людей с опасного производства в относительно чистые условия.

Авария на Чернобыльской АЭС

Бордунова Тамара Павловна, референт Общественного движения «За возрождение Озёрека»:

26 апреля 1986 года вошел в историю человечества как один из самых драматичных дней, дата, когда произошла самая серьезная техногенная катастрофа второй половины XX века. Самое обидное, что авария эта произошла по вине человека, из-за небрежного отношения к науке, недостаточной компетенции тех, кто управлял сложным физическим процессом.

Я в Чернобыль была командирована в декабре 1986 года. Мне предстояло работать с документами, справками. Поселили в пионерском лагере. Дорога занимала примерно 2 часа. В автобусе проходили и дозконтроль. Несколько раз мне приходилось выбрасывать обувь и фуфайку, ехать в лагерь раздетой, а на следующий день получать чистую спецодежду.

Первая поездка произвела инеющее впечатление. Густонаселенный район Украины. Вдоль дороги, в основном, добротные подворья, припорошенные снегом. Декабрь, но тепло. Ни огонька, ни следов жизни человека. Мертвая зона. Сразу охватывает ощущение большой беды. Ведь здесь совсем недавно жили, строили планы на будущее, радовались люди, звенел детский смех. Ещё больше усиливает ощущение беды не собранный урожай. На деревьях висят переспевшие яблоки, груши, не скошены на полях зерновые.

В самом Чернобыле дезактиваторщики отмывают дома, дороги, кругом растекается пыльная пена. Главная задача наших строителей была – сооружение «Саркофага». Страшно было смотреть, как рабочие, в основном солдаты, чистили крышу третьего блока от радиационных осколков. В специальных костюмах по лестнице они поднимались примерно на высоту 50-60 метров на крышу 3 блока, ломом, наверное, минутой долбили влипшие в битум от взрыва радиоактивные фрагменты и возвращались вниз. Второй поднимался следом, собирал совковой лопатой надолбленные фрагменты и складывал в контейнер. Дозы, которые они получали во время этой работы можно только предположить. После наполнения контейнер краном снимали с крыши и отправляли на захоронение.

Головко Е.Ф., начальник отдела РБ Завода РИ ПО «Маяк», участник ликвидации радиационных аварий 1957-1986гг.

Первоначальная информация о возможных последствиях аварии, которая произошла 26 апреля 1986г. поступала по каким-то причинам в довольно ослабленных тонах, без большого беспокойства. Были даже предположения, что через 2-3 месяца жители близлежащих поселений смогут уже вернуться в свои дома. При этом 9 мая на аварийном реакторе периодически появлялись «хлопки». В это время, в Киеве шла многочисленная демонстрация в честь дня Победы. И, именно в этот день в Киев, в связи с направлением ветра со стороны Чернобыля, и произошедшим «хлопком» на реакторе, был накрыт радиоактивной пылью.

Мне поручено было руководство лабораторией радиационного контроля. По состоянию на 40-50 дней после взрыва концентрация цезия-137 в атмосферном воздухе превышала в сотни раз, чем это было при аварии 57г. Положение усложнялось резко сухой погодой. Дожди пришли лишь в июле. Загрязненность воздуха сразу снизилась в 10-20раз, а общий фон уменьшился еще более. Загрязненная пыль ушла вглубь грунта.

В конце июня мне удалось побывать в Киеве на квартире у своего родственника, имея при себе радиометр. Я был удивлен. Обследование квартиры показало, что загрязненность поверхностей в местах, не подвергающихся отмывке, не уступала по уровню нашей 3-ей зоне на производстве. Особенно выделялся его парадный костюм со всеми орденами, в котором он был на демонстрации 9 мая. Повышенное загрязнение имела детская одежда, цветы и другие вещи. Произошло это или по причине отсутствия надежного радиационного мониторинга или из-за нерешительности руководства, так как никаких целенаправленных движений властей по действию населения в этом случае сделано не было. Я с благодарностью вспоминаю своевременные и всесторонние действия руководства комбината и города при ликвидации последствий аварии 1957го года.